

КОМИТЕТ  
ПО УВЕКОВЕЧЕНИЮ ПАМЯТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

---

3/283/4

„ГРУППА  
«ОСВОБОЖДЕНИЕ  
ТРУДА»“

(ИЗ АРХИВОВ Г. В. ПЛЕХАНОВА,  
В. И. ЗАСУЛИЧ И Л. Г. ДЕЙЧА)

*Под редакцией Л. Г. ДЕЙЧА*

ПРИ БЛИЖАЙШЕМ УЧАСТИИ Л. И. АКСЕЛЬРОД,  
Р. М. БОГРАД-ПЛЕХАНОВОЙ И Э. М. ЗИ-  
НОВЬЕВОЙ-ДЕЙЧ

СБОРНИК № 4



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
МОСКВА \* 1926 \* ЛЕНИНГРАД



# ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции . . . . .	Стр. 3
-----------------------	--------

## СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

1. Г. В. Плеханов. Материалистическое понимание истории. Лекции, посмертная рукопись, с предисловием Р. М. Плехановой . . . . .	5
2. Л. Г. Дейч. Полувековые годовщины . . . . .	53
3. Р. М. Плеханова. Периферийный кружок «Земли и Воли» . . . . .	81
4. Л. Г. Дейч. Из Кариийских тетрадей . . . . .	117

## ПИСЬМА

5. Л. Г. Дейч — Я. В. Стефановичу . . . . .	146
6. П. Б. Аксельрод — Л. Г. Дейчу . . . . .	148
7. Я. В. Стефанович — Л. Г. Дейчу . . . . .	152
8. Л. Г. Дейч — И. Н. Присецкому . . . . .	220
9. В. К. Дебогорий-Мокриевич — В. И. Засулич . . . . .	226
10. Н. Чайковский — В. И. Засулич . . . . .	237
11. В. И. Засулич — Л. Г. Дейчу . . . . .	240
12. П. Б. Аксельрод. — Л. Г. Дейчу . . . . .	268
13. X. Г. Раковский — В. И. Засулич . . . . .	274
14. В. И. Засулич — Г. В. Плеханову . . . . .	277
15. В. И. Ленин и Г. В. Плеханов. — Переписка . . . . .	311

## РАЗНОЕ

16. Ф. Энгельс. О военной мощи царской России . . . . .	350
17. Ф. Гинзбург. Русская библиотека Маркса и Энгельса . . . . .	357
18. Ф. Гинзбург. — Маркс о Ткачеве . . . . .	387
19. Дз. — Наследие отцов . . . . .	395
20. Г. В. Плеханов. — Русская учащаяся молодежь . . . . .	407
21. Письмо в редакцию. (Плеханов в Горном институте) . . . . .	408
22. Алфавитный указатель собственных имен . . . . .	411

## ПОРТРЕТЫ.

1. Р. М. Боград-Плеханова в юности.
2. Г. В. Плеханов в 90-х годах.
3. Н. Г. Чернышевский в 80-х годах.
4. И. П. Мышкин в 70-х годах.



## В. К. ДЕБОГОРИЙ-МОКРИЕВИЧ

### ПИСЬМА К В. И. ЗАСУЛИЧ

Владимир Карпович Дебогорий-Мокриевич, один из наиболее выдающихся русских бакунистов-бунтарей 70-х годов, осужденный на долговременную каторгу в 1878 г. за участие в вооруженном сопротивлении и удачно бежавший с дороги путем «сменки» с уголовным арестантом <sup>1)</sup>, — эмигрировал в конце лета 1881 г. в Швейцарию, где мы после нескольких лет разлуки вновь встретились. В середине 70-х годов В. И. Засулич, Стефанович и я состояли, вместе с Дебогорием Мокриевичем, членами Киевского бунтарского кружка, задумавшего вызвать вооруженное восстание среди крестьян Чигиринского уезда путем распространения подложных царских манифестов, предлагавших крестьянам отобрать всю землю у всех не лично ее обрабатывающих в общинное пользование. Дебогорию-Мокриевичу, главным образом, принадлежал общий план этой затеи, — детали же его развил на практике Стефанович <sup>2)</sup>. Тогда, в середине 70-х годов, Д.-М. являлся самым ярким, доведившим все до крайности, бакунистом. Он, например, не только отрицал, как и все другие бакунисты, «дипломы» «аттестаты», но еще доказывал, что «настоящий бунтарь», чтобы стать ближе к народу, должен постараться забыть даже грамоту. Не было того утопического взгляда, того отчаянного плана «вызвать бунт», которого не разделял бы «Мишка», как все южане его называли <sup>3)</sup>.

Из нас, киевских бунтарей, Влад. Карпович был самым пожилым, — лет 30, наиболее опытным, лично знавшим Бакунина, с которым он был на «ты», что нами очень высоко ценилось; крупного оригинального ума человек, превосходный спорщик, умевший, при крайне ограниченных знаниях, — он отрицал полезность чтения, — разбить неизмеримо более его начитанного человека.

<sup>1)</sup> См. его интересные «Воспоминания».

<sup>2)</sup> Подробно об этом см. у меня в «За полвека».

<sup>3)</sup> См. о нем выше: «Из Карийских тетрадей».

Четыре — пять лет протекло со времени нашей последней встречи с ним, летом 1877 г. в Киеве до его приезда в эмиграцию после побега из Сибири. За эти немногие годы очень много перемен произошло как в нашем революционном движении, так и в нас самих. Многое также за это время пришлось пережить и переживать Деб.-Мокриевичу, но в основном он остался все тем же «запорожским ватажком», каким был во время сборов в конце 70-х годов вызвать на Украине гайдаматчину.

Но в знаменательный год его приезда за границу произошло, как известно, крупное политическое событие, потрясшее весь мир и заставившее многих подвергнуть пересмотру все свои общественно-политические взгляды, стремления, симпатии. Дебогорий-Мокриевич не составил исключения; наоборот, на него убийство царя произвело чрезвычайно сильное впечатление, потому что оно случилось во время его долгих странствований, после побега из Сибири, по многим городам. Останавливаясь по пути в разных местах, он, по присущей ему огромной наблюдательности, успел многое узнать, услышать и заметить, что дало ему громадный материал для всевозможных выводов, заключений, нередко курьезных, но всегда почти оригинальных. В общем последние были отрицательного свойства: царевубийство не подняло, не увеличило ни оппозиционных, ни тем более — революционных стремлений передовой части русского общества. Низшие же, трудящиеся массы в этом факте, — как мы народники-чернопередельцы и предсказывали, — увидели подтверждение слуха, что доброго царя-освободителя давно собирались убить помещики в отместку за уничтожение крепостного права.

Настроение Дебогория-Мокриевича, поэтому, в первое время по приезде в Швейцарию, было далеко не оптимистическим по отношению дальнейших судеб России<sup>1)</sup>, но, повторяю, он попрежнему оставался народником-бакунистом.

У нас, членов «Черного Передела», тогда только начались переговоры с Исп. Комит. «Нар. Воли» о сближении, для чего, — вскоре после приезда Дебогория-Мокриевича, — Стефанович вернулся в Россию. К этому намерению наш старый приятель-бунтарь отнесся не вполне одобрительно, но и не резко отрицательно: он признавал, что революционное народничество в то время не имело почвы, вместе с тем, и террор ни к чему доброму, кроме истребления всех лучших сил революционного движения, также не привел. Он был, как говорится, на распутьи, ни в тех, ни в сех, но, независимо от политики, Мокриевич являлся очень симпатичным, интересным, оригинальным человеком, который решительно

<sup>1)</sup> См. об этом в его «Воспоминаниях».

на всех, в особенности же на молодежь, производил прямо обаятельное впечатление.

Спустя короткое время, осенью, приехал из Парижа Г. В. Плеханов и в тот же вечер впервые встретил на квартире В. И. Засулич Дебогория-Мокриевича, о котором, конечно, уже давно имел представление по рассказам общих знакомых.

Как я уже сообщил выше, у меня тотчас же завязался очень горячий спор с Г. В., напавшим на наше стремление соединиться с «Народной Волей», о чем он тогда же написал Лаврову: «настроение моих женевских товарищей не особенно радует меня: оно может быть формулировано словами — «соединимся во что бы то ни стало, хотя и повторимся сколько возможно»<sup>1)</sup>.

Дебогорий-Мокриевич в этом споре целиком держал сторону Г. В. Вообще они друг другу чрезвычайно понравились, хотя по мировоззрениям являлись антиподами.

До этого — 2-го своего приезда за границу, — он уже раньше, в самом начале 70-х годов был в Швейцарии, когда, как мы шутили, получил благословение Бакунина, — Дебогорий-Мокриевич лишь одним ухом слышал о Марксе и его учении. Теперь же, очутившись в нашей тесной группе, ему впервые представилась возможность, без особенного труда, так сказать на-лету, хватать те или иные положения, фразы и термины, что, при изумительной его способности пользоваться всем услышанным, давало ему богатую пищу для рассуждений, споров и писем, в чем читатель убедится из помещаемых здесь.

Эти два его письма<sup>2)</sup> представляют большой интерес не только в смысле характеристики самого автора, его взглядов, оригинального склада ума и развития, но также чрезвычайно живо рисуют ту отдаленную эпоху и отношение раскинутых в разных концах Европы русских эмигрантов к незадолго перед тем возникшей группе «Освобождение Труда»: в этом смысле письма эти являются чрезвычайно ценными и историческими документами.

Чтобы уже не возвращаться к этому очень крупному и оригинальному человеку, сообщу здесь в нескольких словах о дальнейшей его судьбе.

\* \* \*

Пожив некоторое время в Швейцарии, Д.-М. переехал в Париж, где он сблизился с Лавровым и с другими видными эмигрантами. Когда, после вступления Стефановича в «Нар.

<sup>1)</sup> См. выше «Из Кариийских тетрадей» и брошюру «Г. В. Плеханов», стр. 88.

<sup>2)</sup> Остальных его писем, к сожалению, не оказалось в архиве Веры Ивановны.

Волю», мы, «женевские товарищи», не особенно «радовавшие» Г. В., также стали, по мере сил, помогать из-за границы этой террористической партии, то постарались привлечь к общей работе и этого старого бунтаря: вместе с П. Лавровым, Л. Бухом, Луцким, Битмитом, д-ром Росселем и др., Дебогорий-Мокриевич составил парижскую группу, во многом содействовавшую как распространению среди тамошних русских эмигрантов и местного населения благоприятного отношения к «Нар. Воле», так и увеличению путем сборов средств в пользу наших заключенных и ссыльных. Он также принимал участие в знаменитых переговорах «Придворных сфер» с «Испол. Комит. «Народной Воли»<sup>1)</sup>.

Но года полтора спустя после приезда за границу, разуверившись окончательно в возможности дожидаться каких-либо свобод от преемника убитого царя, к тому же вынужденный необходимостью иметь заработок для существования, Дебогорий-Мокриевич, вместе с несколькими другими из вышеперечисленных членов парижской группы, содействовавших нам, отправился в Восточную Румелию, где в то время был большой спрос на русских культурных работников — врачей, учителей, юристов и пр. Дебогорий-Мокриевич, никогда раньше не имевший ни малейшего отношения к какому-либо строительству, — если, конечно, не считать «испанских замков», — к немалому нашему изумлению, по приезде в Пазарджик, занял должность «городского архитектора»!

Нетрудно себе представить, сколько ввиду этого остро отпуская Г. В. по адресу старого бунтаря, «запорожского ватажка»!

Замечательно то, что архитектурные «дарования» Дебогория-Мокриевича, очевидно, вполне пришлись по вкусу «муниципалитету» Пазарджика, так как его строительством «отцы» этого города были очень довольны и, повидимому, продолжают быть по настоящее время.

Одновременно у нашего бунтаря открылся еще другой, не ведомый раньше талант: он оказался недурным писателем-беллетристом, — его рассказ, помещенный в «Вестн. Нар. В.», очень всем понравился.

Рядом с этими двумя новыми качествами у Дебогория-Мокриевича обнаружился и третий, сближавший его с Цинцинатом: в свободные часы он занимался в своем огороде и в саду, которые он завел возле выстроенного им для себя самого дома. Словом, Д.-М. оказался человеком на все руки.

Все же векоре жизнь в глухой провинции на Балканах осточертела этому неугомонному «бродяге», и он вновь очу-

<sup>1)</sup> См. «Из Кариийских тетрадей», Сборник II.

тился в Швейцарии, где, в качестве украинца, проникся симпатией к проф. Драгоманову, страстному проповеднику необходимости посвятить себя защите интересов Украины. Затем он совсем сошелся с этим выдающимся земляком, и, заодно с ним, а также с Бурцевым, стал издавать недолговечные органы, в которых проповедывался временный отказ от социализма впредь до завоевания политических свобод.

При этом умеренном либерализме бывший бакунист, крайний бунтарь, отчаянный ватажок остался вплоть до Февральской революции, когда он также вернулся на давно оставленную им родину, и мы с ним, после 35 лет, вновь встретились: он причислял себя к кадетам.

После Октябрьского переворота, Дебогорий-Мокриевич с большим трудом добрался до Киева, откуда я получил от него всего одну открытку, в которой он упомянул об отчаянном положении, постигшем Украину, где сменилось много правительств. Теперь он вновь в Болгарии. Ему около 80-ти лет, но он бодр попрежнему.

Л. Д.

## I.

24 февраля (8 марта) 1885 года

[Восточная Румелия]

Я уж и забыл, дорогая Вера, когда писал к вам, — так это давно было! Поводом к этому молчанию было то, что чаще всего и бывает причиною, это — необычайно однообразная, скучная жизнь. Все мое время проходит — то в отправлении служебных обязанностей, то в шатаниях с ружьем по болотам и озерам окрестным, то, наконец, в чтении (и даже собственном бумагомарании), но ни в каком случае только *не в участии* в окружающей меня жизни, до того эта последняя — жалка, ничтожна и точно без будущности. Часто я ломал себе голову — желая объяснить окружающие меня явления, — как вдруг — в последние дни — получил прекрасную брошюру Жоржа «Наши разногласия»; называю ее *прекрасной*, потому что, правду сказать, очень давно уже не читал с таким увлечением ничего, с каким читал ее. Я ее прочел два раза. И знаете ли, что собственно меня поразило? Это — необычайная *стройность* (если можно так выразиться) *мировоззрения*. Надо знать вам, что в последнее время я пишу о нашем царизме (для себя пока, а

не для печати); сделаю вам маленькую выписку из моего — как вероятно, Жорж назвал бы — самобытного философствования (все равно не знаю, чем наполнить письмо свое, а эта выписка, быть может, покажет вам, что меня волнует и в чем у меня «разногласия»). Вот она:

«Меня не удовлетворяет исключительно-экономическая точка зрения. Говорят, наукою доказано, что политические и социальные идеалы народа являются *лишь* как результат экономического положения того же народа. Глядя на наш царизм с этой точки зрения, — пришло бы, что называется, махнуть рукою; не угодно ли ждать, пока не разлетится патриархально-земледельческий быт, да пока не разовьется — капитализм! — Наука гласит: *Буржуазное производство* (капитализм) есть необходимое следствие обмена, — и так это, как по ниточке, выведет вам (наука-то), что оставьте де только один *обмен* — и что наверное разовьется капитализм. А между тем взгляните для примера хоть на Грецию. В Византийской империи был и *обмен* и кое-какое *производство*. Англы и Саксы в то время ходили еще с «парламентерским флагом» (у маленьких жиденят, когда они бегают по сметнику — такие флаги сзади болтаются), и у германцев были флаги, — когда в Византии была уже целая своя цивилизация. В результате — что же? Англы и Саксы превратились в Англичан, — Марке чуть не главным образом на их жизни обосновал свою теорию, — а Византия, как была при обмене, так и осталась — и ничего из этого *обмена* не развилось. Добро бы сказали, нация вымирает, — так нет же! Вон остяки вымирают; достаточно посмотреть на них, чтобы это заметить: дряхлое, маленькое тело громко свидетельствует об этом. А греки — молодцы на подбор! Посмотрите-ка, какие типы работают по пристаням Черного моря. Тут бы, кажись, процветать экономике: здоровое тело требует пищи много, а пищи этой подчас им крепко недостает; страшная бедность господствует среди них. И разделен народ (греки) на два лагеря: с одной стороны — ничтожное меньшинство — богачи, с другой, — совсем голый народ. Если в Зап. Евр. рабочий называется *пролетарием*, так я не знаю, как и назвать этих?! Совсем-таки никакой собственности у них нет: ни рубахи, ни штанов, — так голые, как родились на свет, и ходят по берегам Босфора и Дарда-



нелл, — благо солнышко греет, и без рубахи тепло. А попробуйте организовать этих голышей. Единственное, что можно сделать — это устроить шайку разбойников из них! — С другой стороны, богачи ведут себя тоже как-то странно, *не по науке*. В Зап. Европе — богач почему-то находит нужным все увеличивать, да увеличивать свой капитал, — и вот ухищряется и придумывает на все лады всевозможные фабрики, всякие производства, собирает, да собирает вокруг себя рабочих, организует их. А тут — разбогатеет — да и закопает в землю деньги, чтобы не украл их кто-нибудь; а, если уж очень жадный и хочет прироста, то дает деньги на проценты (греческие ростовщики всему свету известны). Что же это такое? Что мешает дальнейшему логическому (как говорит наука) развитию жизни? Дурная организация государства? Но ведь по науке — сначала экономический факт, а потом уже социально-политические идеалы, а, следовательно, и государство! Нет, мне кажется, тут что-то не то! Почитаем историю, как это оно там вышло. — И вот, — страсти господни — чего только там не начитываешь! Узнаешь из истории, что жизнь греческая когда-то неслась с гигантскою быстротою по пути прогресса. Развилась до необычайных размеров. Родила целый ряд гениев, на которых и теперь Европа разиня рот смотрит; а потом, хлоп! и остановилась! — Чем это объяснить? Какая такая причина — смерти греков? Наука говорит, что всему основанье — экономика; почему же эта экономика не вывезла греков? — Раньше — везла на всех парусах, — а потом и перестала. — Почему это у греков *не вытекло из обмена ни черта*? — Что-то — не то, думалось мне. Желая дать какое-нибудь объяснение явлениям жизни (вернее смерти) в странах, подобных Греции, приходится по необходимости допускать, что и на самую пресловутую экономику нечто влияет. Что есть в жизни людской *что-то* еще кроме экономики, с отсутствием которого и экономика не может развиваться. Умерло это *что-то* и умерла вся жизнь. Итак, раз есть *что-то* (если не вполне независимое от экономики, то во всяком случае во взаимодействии полным), отсутствие которого причиняет смерть стране, то логично заключить можно и обратно: присутствие этого *чего-то* обуславливает развитие прогресса. Вот почему многие, в том числе и я, не могут

целиком строить своих мировоззрений на марксовском положении, что экономический фактор предшествует социально-политическим идеалам народа, ибо это что-то ничем иным и быть не может, как все теми же народными идеалами, и что чему предшествует, — не знаю. — Возвращаюсь к истории. Читаю прошлую жизнь Византии и вижу такое страшное нравственное падение, перед которым решительно бледнеют отдельные эпизоды безобразий западно-европейских народов. Ряд измен, обманов, предательств — на всяком шагу, грек торгует своей родной страной, как старую тряпку; а что касается до идеалов, то их совсем нет (интересно, — какому экономическому факт[ор]у соответствует отсутствие идеалов социально-политических? Как решает этот вопрос наука?). Результатом этого нравственного падения, этого полного обнищания народного духа (что называется «гения народного»), — результатом исчезновения общественности и присутствия одного только узкого эгоизма, — этим-то и обуславливается смерть греков».

Но довольно! Из этой небольшой выписки вы можете уже заключить, что я идеалист (как назвал бы меня Маркс), а Жорж к этому, вероятно, прибавил еще и эпитет «самобытный». Да, не удовлетворяет меня одна экономическая точка зрения! — Вы понимаете, что, усомнившись в одном научном положении (доказанном, как говорят, безапелляционно), я пошел по наклонной плоскости, — стал не соглашаться и во многом. Ну, да Жорж это и сам дальше поймет, как вышло у меня. — Но еще несколько слов о брошюре <sup>1)</sup>. Бьет она мастерски тихомировскую статью <sup>2)</sup>, и я был совершенно неправ, когда писал вам, что «об общину разобьются доводы Жоржа, как о гранитную скалу». Вопрос выходит еще спорный — и чья правда будет — посмотрим. От брошюры Жоржа я ожидаю только пользы, а потому мне даже несколько совестно за мое прежнее отношение к спору вашей группы с народовольцами. (Вы, конечно, помните, что я писал не раз вам? Мне чудилось самолюбие там, где я вижу теперь серьезное принципиальное разногласие.) Еще

<sup>1)</sup> То-есть о книге «Наши разногласия». Л. Д.

<sup>2)</sup> «Чего нам ждать от революции», в «Вестн. Нар. Воли» № 2.

одно место в брошюре мне очень не понравилось: к чему это отождествление бакунистских взглядов с ткачевскими? Что между ними общего? С точки зрения социал-демократов обе программы не социалистичны, а мелко-буржуазны; но, в таком случае, почему программу «Земского Союза» не подвести к той же категории? Бакунизм прямо враждебен «захватническим планам», с этой точки зрения он скорее даже подойдет к «Земск. Союзу» (как к федералистам), чем к Ткачеву и «Нар. Воле». Признаюсь, это отождествление со стороны Жоржа припоминает мне то же *самобытничанье*, против которого он сам борется (разделил мир на неверных и правоверных и свалил в кучу одну). Но довольно об этом.

Имеете ли вы сведения о Евгении <sup>1)</sup>? О Стефановиче не знаете ли чего? У меня с Россией — кроме матери — ни с кем нет сношений. Представьте, — мою мать до сих пор не оставили в покое! За ней постоянно следят, — думают все, что я к ней являюсь для свиданий. Даже рыскают шпионы по усадьбе и окрестным лесам (знают, каналы, что я леса предпочитаю конспиративным квартирам; до чего, бестии, — тонкие!). Я вам остался еще должен 150 фр., — вы их получите в скором времени, — быть может, вам их передаст Стойманова. Вы спросите у нее — имеет ли она теперь возможность? Если нет, то я вам выплюю их. Только по какому адресу удобнее? Сообщите. Мой адрес тот же: Pazardjik. Pierre Kabloukoff. Знаете ли, в последнее время я уже чуть было не бросил Румелию? Совсем стал собираться к вам в Швейцарию, да обстоятельства несколько изменились, и я решил остаться еще на год (максимум). Застану ли я вас через год в Женеве? Кланяюсь всем.

Владимир.

## II

6/18 мая 1885 года

Дорогая Вера, получил я ваше письмо давненько-таки, но не отвечал потому, что хотелось дождаться брошюр, высланных вами; хотелось заодно уж прочесть брошюры и со-

<sup>1)</sup> Напомню, что я находился тогда на каторге. Л. Д.

общить вам о моих впечатлениях. Брошюры получились; я прочел пока одну (Аксельрода). — Ну что же вам сказать? Из моего последнего письма вы уже знаете мой взгляд на литературную деятельность вашей группы: от этой деятельности я ожидаю только пользы. «Народная Воля» видимо не пользуется сильным влиянием на Руси. Оно и понятно: «Народная Воля» была сильна *своими делами*, теперь же их нет; а теории ее всегда были довольно слабы. Словом, теперь время весьма подходящее для всяких теорий и программ. Вам, конечно, неизвестно и то обстоятельство, что я далеко не сторонник ни народовольческих, ни социал-демократических теорий. Об этом не стану толковать, а выскажусь лучше по поводу ваших изданий с другой точки зрения, именно с литературной. Я думаю — для вас небыл интересно будет услышать с этой стороны мое мнение. О хороших сторонах — говорить не стоит, — всегда полезнее знать дурную сторону, так как — «век живи, век учись» — пословица довольно мудрая; быть может, группа ваша обратит внимание на мои замечания и примет меры. Итак, к делу.

Меня неприятно поразил тон брошюры «Наши разногласия»: слишком много *самоуверенности* замечается у автора, чуть не *все кругом дураки*, кроме Маркса и Энгельса да их последователей, немецких соц.-демократов! Это даст повод упрекнуть автора в «самобытничестве», — в том смысле «самобытничестве», в котором он (весьма метко) упрекает многих россиян. Самобытничество, между прочим, отличается той особенной чертой, о которой можно выразиться *«прет — что называется — и головой и брюхом»*. Вот это-то «прет брюхом» и блестит частенько-таки на страницах «Наших разногласий». Об'яснюсь. На читателя производит впечатление какой-то страшной узости — это исключительное возвеличение немецких социал-демократов. Выходит уж слишком резко — до того резко, что не мешало бы хоть немножко маскировать свое увлечение. Согласитесь, что это одна из черт самобытничества?! «Все были дураки, и я сам был дурак, но как прочел Маркса — так и раскрылись глаза». Представьте же теперь, что усмотрят те глаза, которые назад тому 10 лет не были дураками, — читали Маркса и понимали прекрасно? А ведь таких, поверьте, есть немало в России. Ведь они просто посмеются над «пылкими последователями!» Замеча-

тельно, что и в брошюре Аксельрода (не замечается само-мнения) видится тоже какое-то детско-восторженное отношение. К чему это, при всяком упоминании имени Маркса и других, эпитеты «гениальный», «великий учитель» и т. п. Кому же не известно, что Маркс великий учитель? А рабочим русским разве так важно знать имена эти? Лучше было бы «о прибыли» несколько обстоятельнее изложить (кстати — это место очень запутанное, и рабочие едва ли поймут; а это чуть ли не главное место), — чем тратить место и время на излишние восторги. Ведь не детей же желает привлечь в свои ряды ваша группа?! А на серьезных, умных людей эта сторона страшно отталкивающе будет действовать. Говорю это вам вполне искренно и желая успеха вашему делу, как желаю такового всякому хорошему (прогрессивному) делу. Но довольно, — я и так много резкого высказал, а мне не хотелось бы, что бы вы считали меня своим недоброжелателем. Этого, впрочем, вы не станете думать, так как, вероятно, сами сознаете, что мои замечания справедливы и вовсе не вызваны недобрым чувством. Итак, как видите, — находя весьма полезными ваши брошюры, — я в то же время не одобряю их с литературной точки зрения. По-моему было бы очень и очень полезно обратить внимание с этой стороны.

Что же вам еще сказать?

Моя жизнь течет попрежнему. Я остался пока на службе. Думаю к весне будущего года непременно выехать отсюда: надоело мне здесь жить! К тому же мне хотелось бы кое-что написать: хочу окончить свои воспоминания. Вероятно, в одном из следующих №№ «Вестника Нар. Воли» вы будете читать мой рассказ о 1873 и 1874 годах. Затем — останется мне изобразить время от 1875 до 1876 года, — и этим закончу свои воспоминания. Я начал некоторые работы для легальной печати, но не могу их окончить за недостатком необходимых книг (здесь достать нелегко). Приехавши в Швейцарию, думаю заняться этим. Авось удастся и заработать что-нибудь.

Кланяйтесь Жоржу и Аксельроду от меня.

Жму вашу руку.

Владимир.